

невесте закрывали покрывалом при выведении ее к приехавшим родственникам также в украинском Полесье. На Волини к родственникам молодой за стол сажали сначала одну за другой двух подменных «невест», а когда наконец выводили настоящую невесту, пели песню, в которой представляли ее неузнаваемой: «Ведемо тура в хату, / А ти пізнавай, тату: / Чи тур, чи туриця, / Чи хороша молодиця». Причиной неузнавания был новый головной убор (покрывало замужней женщины), по сравнению с тем, в каком еще вчера ее видели родители. У словаков Зволена родители, приезжающие на свадьбу в дом жениха, также отказываются признавать невесту в женском уборе за свою дочь. У словаков Спиша после перемены невесте головного убора она спрашивала родителей жениха, узнают ли они ее в новом виде, а в районе Зволена сразу после завивания вызывали к невесте жениха и спрашивали, узнает ли он ее. Мотив опознавания невесты в шуточном, игровом виде присутствует и в выведении жениху подставной, мнимой «невесты», лицо которой обычно было закрыто платком. Например, у кашубов от того, удастся или нет жениху распознать невесту, зависело, удачным будет его брак или нет. Мотив неузнаваемости применительно к невесте выступает также и в мотивировке обычая из юго-восточной Болгарии: когда молодая вечером через день после свадьбы впервые отправляется в гости к своей матери, лицо ей снова закрывают покрывалом, а свекровь надевает на нее поверх одежды свою рубашку и выводит в таком виде невесту под зонтиком из дома, чтобы ее не узнали и чтобы «звезды ее не видели». В северо-восточной Болгарии на второй день свадьбы невесту с закрытым лицом отводили в родительский дом. Если она была из другого села, не все родственники ее могут узнать, но лица ее видеть не могут. При попытках приподнять покрывало невеста укрывается и никому не позволяет увидеть свое лицо.

Семантика неопознаваемости невесты, вскрываемая в этимологии ее наименования, связана с обрядовым «переходом», которому подвергается невеста, с символической смертью ее в прежнем качестве и «воскресении» в новом. Существенно и то, что этот «переход» сопровождается апотропейным по своей функции закрытием лица невесты, необходимого при идентификации внешности. Мотив неузнавания в связи со свадьбой и смертью встречается в новгородской примете: *Обознаться в человеке – к свадьбе или к покойнику*. Неопознанные внешне ассоциировались с отходящими в мир иной или вступающими в брак, которых объединяет отсутствие статусности в момент ритуального «перехода».

Л. Г. Гусева
Екатеринбург

Пермские глоссы в лексике свадебного обряда

Свадебный обряд – в том виде, в каком он существует сейчас, – значительно упрощен. Все меньше остается людей, знающих от своих дедов и прадедов о старинной свадьбе, помнящих строгую последовательность всех ее этапов, – вот почему

необходимо бережное отношение к каждому слову, отражающему различные грани этого поистине удивительного явления в жизни русского народа.

Сравнение лексики свадебного обряда, зафиксированной только в говорах на территории бывшей Пермской губернии (по данным различных письменных источников XIX – начала XX в., в том числе и лексикографических) и представленной в Словаре русских народных говоров (СРНГ), с материалами современных уральских словарей (СРГСУ, СРГСУ-Д, СПГ, АС) позволяет говорить не только о круге слов, которые живут в пассивном лексическом запасе диалектоносителей старшего поколения, но и о лексемах, которые совершенно вышли из употребления и в уральских словарях отсутствуют.

К ним, очевидно, относятся следующие слова и словосочетания:

Вставальное яство ‘последнее блюдо на свадьбе’. Перм. (год и автор неизвестны) [СРНГ, 5, 213].

Высватанье ‘сватанье, высватывание’: *Вено или запрок... берут... с жениха при высватанье*. Шадр. Перм., АГО [СРНГ, 6, 17].

Захлебётник ‘посторонний зритель на свадьбе’. Охан. Перм., 1930 [СРНГ, 11, 149].

Захребётник ‘в свадебном обряде – тот, кого отец невесты посылает к жениху’: *Дружкам песни поют по отъезде уже свадьбы, так как они здесь (в доме невесты) остаются дожидать «послан», захребетников, каковых отец невесты посылает к жениху от двух иногда до восьми человек сыновьев и зятьев своих*. Красноуфим. Перм., Тр. Перм. губ. уч. арх. комис., 1913, вып. 10 [СРНГ, 11, 162].

Зва́та ‘в свадебном обряде – женщина, приглашающая родственников невесты для обсуждения свадебных вопросов’. Чердын. Перм., 1859 [СРНГ, 11, 211].

Кованец златоверх ‘старинный женский чепец’. Добрян. Перм., 1930 [СРНГ, 14, 26].

Меньшанка ‘одна из подруг невесты, одевающая ее к венцу’. Перм., Богословский [СРНГ, 18, 111].

Мыльня ‘мытье невесты в бане перед свадьбой’. Перм., 1930 [СРНГ, 19, 55].

Мыть в снегу ‘толкать в снег, натирать снегом новобрачных в первый понедельник Великого поста’. Шадр. Перм., 1930 [СРНГ, 19, 66].

Наговор ‘стих, песня, исполняемые во время свадьбы дружкой, «продавцами» и т. п.’. Чердын. Перм., 1930 [СРНГ, 19, 202]. Ср. *наговёр* ‘то же’. Костром., 1904 [Там же].

Нагрéвшаяся сва́ха ‘в свадебных обрядах – ‘сваха, выполняющая обряд с согреванием постели новобрачных’. Красноуфим. Перм. Миртов [с пометой «стар.»], 1930 [СРНГ, 19, 213].

Пирóжный день ‘угощение пирогами, приготовленными молодой на второй день свадьбы’. Следующий день (после свадьбы) зовется *пирóжным*, потому что новая хозяйка жарит пироги из говядины и угощает ими всех гостей. Кунгур. Перм., архив РГО, 1848. *Пирóжный стол* ‘праздник на второй день свадьбы’. Перм., 1860. Когда на пирóжном столе подают блины, жених бросает тарелку из-под блинов на пол. Перм., Архив РГО, 1987. *Пирóжные столы* ‘праздник на третий день свадьбы в доме родителей молодой, которая угощает гостей пирогами’. Прикам., нач. XX в. [СРНГ, 27, 42].

Данные пермские глоссы в лексике свадебного обряда являются местными, территориально ограниченными названиями фрагментов русского свадебного обряда. Наряду с ними зафиксированы 3 лексемы, значение которых неясно:

Барцевый (удар.?) и *барцо́вый* (знач.?). Жениху в день брака дружки привязывали сзади к шее распущенные большие красные барцовые платы. Чердын. Перм., 1850 (Зеленин). На голову <женщины> надевали шелковую клетчатую шамшуру, а по бокам ее вокруг головы повертывали сложенный узенько «барцевый» платок с завязанным на лбу шанежкой узлом, а поверх всего этого головного убранства покрывались фатой. Красноуфим. Перм., Тр. Перм. губ. уч. Арх. ком., 1913 [СРНГ, 2, 123].

Братовство (удар.?) 'часть свадебного обряда': *Еще велел наш новображной... спросить у вас, да у вашей милости: сватовство, братовство, рукобיתье и обручение было ли?* (из присказок-прибауток дружки на свадьбе). Красноуфим. Перм., 1913 [СРНГ, 3, 160]. Возможно, семантически слово *братовство* как обозначение фрагмента свадебного обряда связано с обл. *братовство* 'братские отношения, братание': *Король повеле учинити ему казнь – отсечь главу. Обозревся он семо и овамо реки предстоящим: «Прошу вас, братия моя, отдать мне долг братства»*. Шл. сын (М), 301 [СРЯ XVIII в., 2, 129].

Кутіны (знач.?). *Кутіны-полатины* [знач.?]. При приезде молодых в дом родителей невесты на полатах избы ребятишки кричат: «Кутины-полатины». Урал, Миртов, 1930 [СРНГ, 16, 169].

Н. А. Дарбанова
Новосибирск

«Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» как источник этнокультурной информации: репрезентация представлений о времени

Диалектные словари являются одним из основных источников изучения региональной этнокультурной специфики, исследование которой может дать более полное представление о мировосприятии русского человека.

В докладе представлены результаты исследования метрической темпоральной лексики как средства языковой экспликации представлений о времени, существующих в сознании забайкальских старообрядцев (семейских). Источником фактического материала послужил «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» (Новосибирск, 1999). В нем предложено лексикографическое описание говоров семейских – специфической этноконфессиональной группы, которая сформировалась на территории Забайкалья во второй половине XVIII в. и сохранила до наших дней культурно-языковое своеобразие.

Цикличность и дискретность времени. В говорах семейских реализуются линейная и цикличная темпоральные модели с преобладанием последней: время осознается носителями языка как последовательность «точек» на ненаправленной градуированной замкнутой круговой линии (цикличное время) либо как последовательность «точек» на направленной градуированной прямой